

Выборочные обследования и переписи населения как источники данных о втором поколении мигрантов: зарубежный опыт

Михаил Борисович Денисенко^{а)},
Мария Алексеевна Смирнова^{а)},
Анастасия Викторовна Степанова^{б)}

^{а)} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;

^{б)} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Возрастающая роль миграции в мире заставляет говорить об интеграции мигрантов в принимающие общества как о важнейшем социальном процессе. В долгосрочной перспективе интеграция тесно связана с темой второго поколения мигрантов и его относительного благополучия в обществе. Для России, привлекающей большое число мигрантов, вопросы интеграции второго поколения мигрантов также являются крайне важными, однако представления о них фрагментарны ввиду малого числа релевантных исследований. Задача получения актуальных сведений о потомках мигрантов и их участии в социальной и экономической жизни требует учитывать богатый зарубежный опыт изучения этой темы.

В данной работе представлен обзор подходов к изучению второго поколения мигрантов в США, Канаде и странах Западной Европы. Обзор выполнен на основе аналитических и методических публикаций национальных статистических агентств и международных организаций (ООН, ОЭСР, Евростат), метаданных специальных выборочных обследований и ряда научных статей. Авторами разбираются основные источники данных для оценки численности мигрантов второго поколения и сведений об их социально-экономических характеристиках, в качестве которых выступают переписи и микропереписи, регулярные обследования рабочей силы и специальные выборочные обследования. Отмечаются некоторые особенности в определении и эволюции концепта «второе поколение» в национальных статистических системах. В обобщенном виде представлены результаты исследований социальной мобильности потомков иммигрантов.

В заключении сформулированы некоторые практические рекомендации по модернизации системы статистического наблюдения миграции в России с учетом позитивного зарубежного опыта в изучении второго поколения мигрантов.

Ключевые слова: иммигранты, второе поколение, интеграция, полуторное поколение, статистика миграции, перепись, микроперепись, выборочные обследования, обследование рабочей силы.

JEL: C83, J10, J15, J61.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-46-60>.

Для цитирования: Денисенко М.Б., Смирнова М.А., Степанова А.В. Выборочные обследования и переписи населения как источники данных о втором поколении мигрантов: зарубежный опыт. Вопросы статистики. 2022;29(5):46–60.

Sample Surveys and Population Censuses as Data Sources on the Second Generation of Migrants: Foreign Experience

Mikhail B. Denisenko^{a)},
Mariya A. Smirnova^{a)},
Anastasia V. Stepanova^{b)}

^{a)} National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;

^{b)} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The increasing role of migration in the world makes the integration of migrants into host societies a crucial social process. In the long run, integration is closely related to the topic of the second generation of migrants and their relative well-being in society. In Russia, which attracts a large number of migrants, the integration of the second generation is also very important but the understanding of it is fragmented due to the small number of relevant studies. The task of obtaining relevant data on migrants' descendants and their participation in social and economic life requires taking into account the wealth of foreign experience in studying this topic.

This paper provides an overview of approaches to the study of the second generation of migrants in the United States, Canada and Western European countries. The review is based on analytical and methodological publications of national statistical agencies and international organizations (UN, OECD, Eurostat), metadata from special sample surveys and a number of academic articles. The authors discuss the main data sources used to estimate the number of second-generation migrants and to provide information on their socio-economic characteristics, such as censuses and microcensuses, regular labour force surveys and ad hoc sample surveys. The article describes nuances in the definition

and evolution of the concept of «second generation» in the national statistical systems. The results of studies on the social mobility of descendants of immigrants are summarised.

In conclusion, we offer practical recommendations for modernizing the system of statistical recording of migration in Russia based on the long-term foreign experience of studying the second generation of migrants.

Keywords: immigrants, second generation, integration, generation 1.5, migration statistics, population census, microcensus, sample surveys, labour force survey.

JEL: C83, J10, J15, J61.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-46-60>.

For citation: Denisenko M.B., Smirnova M.A., Stepanova A.V. Sample Surveys and Population Censuses as Data Sources on the Second Generation of Migrants: Foreign Experience. *Voprosy Statistiki*. 2022;29(5):46–60. (In Russ.)

Введение

Тема второго поколения мигрантов является ключевой в понимании процессов вхождения значительных масс иностранного населения в социум принимающих их стран. Результаты ее изучения позволяют организовать интеграционную политику, повысить позитивные эффекты от миграции как для самих мигрантов, так и для коренного населения принимающих стран, в том числе предупредить конфликты между ними и снизить уровень социальной напряженности. Исследовательская традиция изучения второго поколения зародилась в 1960-е годы в США, в стране, сформировавшейся в результате переселений и по-прежнему принимающей большое количество иммигрантов. По мере нарастания миграционных потоков и сопутствующих проблем, особенно в новом столетии, эта тема все больше захватывает исследователей европейских стран.

Россия относится к числу стран — лидеров по приему международных мигрантов. В терминах миграционного прироста страна с момента распада СССР до 2021 г. получила дополнительно за счет переселения более 10 млн новых жителей, но собственно число иммигрантов было еще большим. Со временем в этом потоке стала возрастать доля тех, кто не имел опыта социализации в советское время. Соответственно, увеличивается культурная дистанция между мигрантами и коренным населением России. Очевидно, что в таком контексте проблемы интеграции мигрантов приобретают все большее значение для развития российского общества. Однако, в России изучение этой проблемы сдерживается, в первую очередь из-за явного недостатка информации

о втором поколении мигрантов, поступающей из таких источников как массовые социологические опросы и переписи населения.

В предлагаемой статье кратко обобщен зарубежный опыт в получении количественной информации о мигрантах второго поколения в зарубежных странах, получаемой из переписей населения и выборочных обследований¹. Также представлены подходы к определению мигрантов второго и других поколений, оценки численности и некоторые результаты изучения их положения в ряде стран. В заключении даются рекомендации по организации статистического наблюдения за мигрантами второго поколения в России.

Второе поколение мигрантов в России

В России фактически было проведено только два исследования, основанных на массовых опросах мигрантов. Первое из них, выполненное В.И. Мукомелем в 2011 г., было сосредоточено на адаптации и интеграции подросших представителей «полуторного поколения» мигрантов — выходцев из Средней Азии и Азербайджана, их ценности и особенности восприятия социальной среды в г. Астрахани и г. Самаре [2]. Респондентов привезли в Россию в возрасте 7–15 лет, на момент обследования им было 18–25 лет. Всего опрошено 299 респондентов, проведено 6 фокус-групп, 40 глубинных интервью, 16 экспертных интервью. Второе исследование проведено спустя несколько лет группой ученых из РАНХиГС. Оно было направлено на выявление интеграционных характеристик мигрантов второго поколения в возрасте от 18 до 35 лет из Закавказья и Средней Азии. В основе проек-

¹ В статье не рассматривается такой важный источник информации, как регистр населения, поскольку он отсутствует в России. Регистры в сочетании с выборочными обследованиями успешно используются при изучении мигрантов разных поколений в странах Северной Европы [1].

та — интернет-опрос, осуществленный путем таргетирования в социальных сетях (число респондентов 12 524), и серия интервью (число респондентов 401) в 10 регионах России [3].

В России в последние годы интенсивно развивается изучение информации о положении детей мигрантов на основе качественной методологии [4–7]. Эти исследования помогают раскрыть механизмы и адаптационные стратегии мигрантов. Но они практически не затрагивают проблемы, связанные с оценкой численности и состава мигрантов разных поколений, оценкой динамики и результатов процесса интеграции.

Подходы к определению второго поколения мигрантов

В самом общем виде интеграция предполагает полное вовлечение мигрантов в социальную, культурную, экономическую и политическую жизнь принимающего общества, а также формирование взаимной ответственности и социальной сплоченности [8, с. 189–190]. Главная цель разделения мигрантов по поколениям — проследить процессы интеграции в краткосрочной и долгосрочной перспективе, установив, как те или иные факторы влияют на возможности полноценного участия мигрантов в жизни общества. В случае краткосрочной перспективы речь идет об интеграции собственно мигрантов или мигрантов первого поколения. Долгосрочные перспективы интеграции больших мигрантских сообществ изучаются на примере мигрантов второго и других поколений. Мигранты второго поколения находятся в центре внимания исследователей еще и потому, что часто именно они являются целью «переселенческого проекта» родителей. В отличие от других поколений они поддерживают, как правило, тесные связи как с родиной родителей, на них оказывает влияние их идентичность, и одновременно они являются частью той страны, в которой родились и социализировались. Таким образом, второе поколение занимает особую промежуточную позицию, что делает его особенно

интересным при рассмотрении вопроса «интеграции» [9].

Разделение мигрантов по поколениям — только на первый взгляд простая задача. Кажется очевидным, что к первому поколению надо отнести собственно мигрантов, ко второму — детей мигрантов, к третьему — внуков мигрантов. Но на практике все оказывается сложнее. Так, в ряде исследований выделяются поколения «1,5», «2,5» и другие поколения [10]. В крупнейших национальных и международных обследованиях, в переписях населения, как правило, используется строгое определение второго поколения, согласно которому к нему относятся лица, родившиеся в стране иммиграции, у которых один или оба родителя родились в другой стране². Такое жесткое определение позволяет четко выделять изучаемую группу в целях сравнительного анализа. Во многих массовых опросах и в качественных исследованиях пользуются широким определением, согласно которому ко второму поколению относятся и дети мигрантов, переселившиеся с родителями в страну приема в раннем детском или школьном возрасте. Именно этот контингент часто определяют как поколение «1,5». «Школьный возраст» в одних исследованиях соответствует начальной школе, в других — также и неполной средней школе. Институт статистики Италии (Istat) включает во второе поколение детей иностранцев, родившихся за рубежом, но иммигрировавших в Италию в возрасте до 18 лет [13, с. 11]. Предполагается, что дети полностью социализируются в стране приема, включая знание ее языка «без особого акцента» [9, с. 3].

Термин «второе поколение» появился в США в 1960-х годах как следствие академических дебатов о результатах ассимиляции различных групп иммигрантов. Тогда же Чикагской социологической школой [14] был разработан первый теоретический подход к изучению интеграции — теория *линейной ассимиляции*³. Согласно ее положениям, иммигрант во времени движется по восходящей прямой на пути изучения языка, трансформации религиозных воззрений и куль-

² В рекомендациях ООН по измерению миграции при переписях раунда 2020 г. ко второму поколению мигрантов относятся дети, родившиеся в изучаемой стране, у которых оба родителя родились за границей. Handbook on Measuring International Migration through Population Censuses. Department of Economic and Social Affairs Statistics Division, Series F, No. 115. United Nations, New York 2022 URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/Standards-and-Methods/files/Handbooks/international-migration/2020-Handbook-Migration-and-Censuses-E.pdf>.

³ В американской литературе термины интеграция и ассимиляция используются как синонимы. См., Heckmann F. [15].

турных ценностей: чем дольше иммигрант живет в принимающей стране, тем он больше приближается к доминирующей культуре. Каждое последующее поколение иммигрантов демонстрирует все большую ассимиляцию в принимающее общество: постепенно исчезают уникальные этнические характеристики, которые присущи первому поколению иммигрантов. Эта модель предполагала, что социально-экономическая интеграция коррелирует с социально-культурной интеграцией. Однако успех на рынке труда не обязательно связан с успешной социальной интеграцией, а общение только в своей этнической группе не всегда грозит бедственным положением. Поэтому в 1990-е годы А. Портер и его коллеги предложили альтернативную концепцию так называемой «сегментной ассимиляции». Эта теория основана на том факте, что современное американское общество чрезвычайно разнообразно и сегментировано. Траектории ассимиляции определяются группами, к которым могут присоединиться иммигранты: восходящая или «прямолинейная» — к среднему классу, нисходящая — к низшему классу, «селективная аккультурация» — сохранение «культурной автономности» или «этнической ниши» [16–18]. В реальности мигранты второго поколения имеют разные траектории развития, опыт и результаты интеграции могут варьироваться в зависимости от сегмента общества, в который они пытаются встроиться.

Многогранность процесса интеграции и потребность в его измерении привели к новым аналитическим подходам. Так, Ф. Хекман и его коллеги, изучая второе поколение мигрантов, выделили структурную интеграцию (возможность получения образования, положение на рынке труда), культурную интеграцию (знание языка, отношение к религии, поведение), социальную интеграцию (дружеские отношения, создание брачных союзов, участие в различных ассоциациях и организациях) и идентификационную интеграцию (чувство принадлежности и лояльности к принимающей стране) [19]. Р. Пеннинкс и Б. Гарсиа-Маскаренас выделяют три координаты, по которым мигранты могут (или не могут) интегрироваться в принимающий социум: политико-юридическая, социально-экономическая и культурно религиозная [20]. Динамика интеграции анализируется по каждому измерению.

Концептуальные подходы, с одной стороны, и задачи практики — с другой, формируют требования к набору индикаторов интеграции и, следовательно, к источникам данных о втором поколении мигрантов. Отметим, что во всех исследованиях так или иначе различные группы мигрантов второго поколения сравниваются между собой, с их родителями, а также со сверстниками (не мигрантами) по ряду характеристик, отражающих разные аспекты интеграции. Центральное место в них занимают результаты и траектории обучения, доступ к рынку труда и карьера. Затрагиваются также и другие характеристики социальных отношений и семейного окружения мигрантов, такие как выбор партнера, отношения в семье и с друзьями, религиозные нормы, знание языка и его использование в различных контекстах, чувство дома, определение идентичности и другие.

Опросы как источник информации о мигрантах второго поколения в США

Американская политика интеграции сфокусирована на детях иммигрантов [21]. Согласно оценкам Бюро цензов, в 2019 г. в США только в возрасте до 18 лет проживало 17,8 млн детей, у которых оба или один из родителей иностранного происхождения [22]. Постоянным источником о мигрантах второго поколения является проводимое Бюро цензов США текущее обследование населения (Current population Survey или CPS), в котором ежемесячно опрашивается около 60 000 домохозяйств. В марте обследование проводится по расширенной программе и выборке. Его результаты представляют репрезентативные на национальном уровне оценки различных характеристик взрослого населения из числа второго поколения иммигрантов по отдельным этнорасовым группам [23].

Среди других обследований второго поколения мигрантов по охвату и содержанию выделяются следующие:

Лонгитюдное исследование детей иммигрантов (CILS Survey (Children of Immigrants Longitudinal Study)), нацеленное на изучение адаптации детей, родившихся в США и имевших по крайней мере одного родителя иностранного происхождения, и детей, родившихся за рубежом, но привезенных в США в раннем возрасте на протяжении

1991–2006 гг. Размер выборки — 5252 человека. В итоге были прослежены судьбы 3613 человек⁴.

Обследование «Иммигранты второго поколения в мегаполисе Нью-Йорк» (ISGMNY Survey (Immigrant Second Generation in Metropolitan New York)), проведенное в 1999 г. В нем рассматривались факторы, способствующие или препятствующие ассимиляции (интеграции) молодых людей в возрасте от 18 до 32 лет из иммигрантских семей, различающихся по расе, языку, характеристикам родителей. Размер выборки составил 2000 человек⁵.

Интеграция и межпоколенческая мобильность в мегаполисе Лос-Анджелес (ИММЛА Survey (Immigration and Intergenerational Mobility in Metropolitan Los Angeles)) дополняет повестку двух предыдущих исследований. Проведено в 2004 г. с целью изучения профессиональной мобильности мигрантов второго и полуторного поколения в возрасте от 20 до 39 лет⁶.

Результаты количественных исследований показывают, что представители второго поколения различных групп иммигрантов достигают или превосходят уровень образования белых американцев [24]. Достижения детей иммигрантов отражают как происхождение и уровень образования их родителей, так и желание родителей повысить социальный статус детей в принимающей стране [25]. Исследования подтверждают значительный прогресс детей по отношению к родителям в уровне образования во всех этнорасовых группах иммигрантов [23]. Благодаря высокому уровню образования значительная часть представителей второго поколения становится «белыми воротничками» [26]. Главным препятствием для ассимиляции в США является нелегальный статус иммигранта. При этом, если главные причины сегрегации в Соединенных Штатах обусловлены иммиграционным законодательством, то в Западной Европе они связаны с культурными и религиозными различиями [27].

Второе поколение мигрантов в переписях населения

Канада — пример страны, где основным источником данных о втором поколении мигрантов являются переписи. Статистическое бюро определяет второе поколение как индивидов, которые родились в Канаде и имеют по крайней мере одного родителя, родившегося за границей⁷. В длинном переписном листе 2021 г., который заполняли 25% респондентов, задавались вопросы о месте рождения и гражданстве родителей. Переписи дают надежную оценку численности этой категории мигрантов, а также их различных социально-демографических характеристик. Так, согласно данным переписи населения 2016 г. около 6,1 млн человек являлись мигрантами во втором поколении, что составляло 17,7% всего населения⁸. Индивидуальный формат хранения и обработки информации позволяет оценить третье поколение мигрантов, которые родились в Канаде и у которых родители родились в Канаде, а бабушки и дедушки переселились в Канаду. Третье поколение является самым многочисленным и составило в 2016 г. 58,4% всего населения. Переписи дополняются информацией из выборочных опросов, например, Национального обследования домашних хозяйств⁹.

Результаты исследований показывают, что в Канаде, как и в США, мигранты во втором поколении, в основном, проявляют восходящую мобильность с точки зрения социально-экономических результатов. Различия в достигнутых успехах являются результатом взаимодействия двух групп факторов: характеристик их родителей и стран происхождения, с одной стороны, и различных социально-экономических условий, в которых они живут, — с другой [28]. Представляют интерес результаты репрезентативного опроса 3000 мигрантов во втором поколении относительно аккультурации, дискриминации и благополучия. Он показал, что 75% опрошенных в значительной

⁴ URL: <https://www.icpsr.umich.edu/web/DSDR/studies/20520>.

⁵ URL: <https://www.icpsr.umich.edu/web/RCMD/studies/30302#>.

⁶ URL: <https://www.icpsr.umich.edu/web/DSDR/studies/22627#>.

⁷ Statistics Canada Dictionary, Census of Population, 2021 — Generation status URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/ref/dict/az/definition-eng.cfm?ID=pop036>.

⁸ Statistics Canada. Focus on geography series, 2016 Census, Immigration and ethnocultural diversity. 2019. URL: Focus on Geography Series, 2016 Census — Canada (statcan.gc.ca) (дата обращения: 24 мая 2022).

⁹ Statistics Canada. -2011. National Household Survey (NHS) — URL: <https://www12.statcan.gc.ca/nhs-enm/2011/dp-pd/prof/index.cfm?Lang=E>.

степени отождествляли себя как с Канадой, так и со своей этнической культурой (бикультуризм); 15% — значительно с Канадой и слабо со своей этнической культурой (ассимиляция); 6% слабо отождествляли себя с Канадой и сильно со своей этнической культурой (сепарация) и 5% слабо отождествляли себя как с Канадой, так и со своей культурой (маргинализация) [29].

Международные обследования в Европе

Основным источником информации о втором поколении мигрантов в большинстве стран Европейского союза являются социально-демографические обследования с миграционными модулями. Интересным для России представляется опыт учета миграционного статуса в обследовании рабочей силы, проводимой Евростатом (EU-LFS). Определение лиц с миграционным прошлым в данном обследовании началось в 1992 г., когда в анкету включили вопрос о стране рождения. Однако это позволяло выявлять только тех мигрантов во втором поколении, которые проживали в одном домохозяйстве с родителями. В середине нулевых годов стала очевидной необходимость получения данных не только о мигрантах, но и об их прямых потомках для анализа факторов и результатов процесса интеграции. В 2008 г. в дополнительный модуль для идентификации мигрантов и их потомков в обследование EU-LFS включили вопросы о длительности проживания в стране, где проходит опрос, причинах переезда, сроке легального пребывания и наличии разрешения на работу, языковых навыках, а также вопросы о стране рождения отца и матери [30]. Успешный опыт был повторен в 2014 г. Результаты обследований 2008 и 2014 гг. стали основой для множества аналитических и стратегических материалов.

Вместе с тем, в странах ЕС проводятся специальные обследования второго поколения мигрантов. Эмпирические исследования во Франции, Германии и Великобритании были основой известного проекта «Эффективность национальных стратегий интеграции молодежи из второго поколения мигрантов в сравнительной европейской перспективе» (EFFNATIS: Effectiveness of National Integration Strategies towards Second Generation Migrant Youth in Comparative European Perspective), в рамках которого в 1998–2001 гг.

изучалась эффективность стратегий, направленных на интеграцию молодежи из числа мигрантов второго поколения в современные европейские общества¹⁰. Другое крупное международное исследование второго поколения мигрантов в Европе «Интеграция европейцев во втором поколении» (TIES-Survey: The Integration of the European Second Generation) проводилось в 2007–2008 гг. В нем приняли участие почти 10 000 респондентов в 15 городах Австрии, Бельгии, Франции, Германии, Нидерландах, Испании, Швеции и Швейцарии [31]. В проекте TIES второе поколение мигрантов определялось как дети иммигрантов, которым на момент опроса было от 18 до 35 лет, родившиеся в стране иммиграции и получившие в стране иммиграции образование. Результаты проекта TIES использовались для сравнения с данными американских опросов [32]. Лонгитудный дизайн американского исследования детей иммигрантов CILS был положен в основу крупного европейского исследования «Лонгитудное исследование детей иммигрантов в четырех европейских странах» (CILS4EU – Children of Immigrants Longitudinal Survey in Four European Countries), координатор — Центр европейских социальных исследований в Мангейме. Три волны этого исследования в период с 2010 по 2013 г.¹¹ охватили 18 000 учащихся в возрасте 14 лет из Германии, Нидерландов, Швеции и Великобритании. В 2016 г. проект проводился в Норвегии.

Заслуживает внимания деятельность ОЭСР в области изучения интеграции с точки зрения второго поколения мигрантов. Так, на основе многолетних результатов обследования «Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся» (PISA: Programme of International Student Assessment) изучаются вопросы доступа к системе образования и интеграционных образовательных стратегий с учетом места происхождения родителей. Результаты проекта, в частности показали, что в 2018 г. в среднем по странам ОЭСР около 40% мигрантов во втором поколении использовали дома преимущественно родной язык (не язык тестирования), для мигрантов в первом поколении эта доля составляет 60%. В 2015 г. ОЭСР выпустил доклад, озаглавленный «Догоняя? Межпоколенческая мобильность и дети иммигрантов» (Catching Up? Intergenerational Mobility and Children of Immigrants), а чуть поз-

¹⁰ URL: <https://www.efms.uni-bamberg.de/prineffe.htm>.

¹¹ URL: <https://www.cils4.eu/>.

же — страновые обзоры [33, 34]. В 2021 г. в докладе «Молодые люди с родителями-иммигрантами» (Young people with migrant parents) были подведены итоги многолетних исследований вопросов интеграции потомков мигрантов, в том числе на рынке труда и в сфере образования [35].

Второе поколение мигрантов в статистике Германии

По данным Федеральной службы статистики Германии в 2021 г. 27% населения (22,3 млн человек) имели миграционное прошлое, из них более трети (8,3 млн человек) относятся ко второму или последующим поколениям мигрантов¹².

Первые попытки получить количественные оценки процесса интеграции лиц с миграционным прошлым были сделаны в середине 1990-х годов на основе данных немецкой социально-экономической панели (GSOEP) — регулярного обследования, охватывающего несколько десятков тысяч респондентов. Однако объема выборки было недостаточно для дифференцированного анализа положения первого и второго поколений [36]. Другая попытка состоялась в 1995 г. в рамках ежегодно проводимой микропереписи, охватывающей 1% населения страны. Впоследствии она стала одним из ключевых источников для анализа интеграции мигрантов и их потомков в Германии. До 2000 г. в опросах Федерального статистического бюро мигранты определялись отсутствием немецкого гражданства, а единицей статистического наблюдения была совокупность «иностранцев» [37]. Такой подход был оправдан сложностью получения немецкого гражданства, из-за чего большинство мигрантов второго поколения его не имели [38]. Ситуация изменилась с упрощением правил приема в гражданство в 2000 г. В итоге в 2005 г. в оборот введено понятие «лица с миграционным прошлым». К таковым относились: 1) все мигранты, прибывшие в ФРГ после 1949 г.; 2) жители Германии, родившиеся на ее территории, но не имеющие немецкого гражданства; 3) все граждане Германии, рожденные на ее территории и имеющие хотя бы одного

родителя, родившегося за рубежом или не имеющего немецкого гражданства [39, 40]. Впервые на общенациональном уровне эти определения применялись при проведении микропереписи 2005 г., в результате которой была собрана информация о мигрантах второго поколения.

В 2016 г. определение «миграционного прошлого» было уточнено: «Индивид имеет миграционное прошлое, если он/она или по крайней мере один из его/ее родителей не получили немецкого гражданства при рождении»¹³. Действующее определение критикуется, в частности, из-за того, что оно предполагает, что по какой-то причине иммигрантское происхождение одного родителя имеет большее значение, нежели немецкое по гражданству и месту рождения второго родителя. В практиках некоторых европейских стран смешанное происхождение исключает индивида из совокупности лиц с миграционным прошлым. Публикации Евростата и рекомендации ООН к проведению переписей населения и домохозяйств 2020 г. предусматривают выделение лиц со смешанным происхождением в отдельную категорию. Помимо микропереписи источником данных о втором поколении мигрантов являются различные обследования.

По результатам опросов мигранты во втором поколении показывают восходящую социальную мобильность по сравнению с их родителями: дети мигрантов лучше образованы, лучше профессионально подготовлены, лучше владеют немецким языком. Однако для определенных групп мигрантов такая мобильность оценивается как слишком медленная [41]. При этом отмечается, что мигранты первого и второго поколений имеют совершенно различный уровень притязаний: если первые оценивают свой статус исходя из норм страны происхождения, то вторые сравнивают себя с населением экономически развитой страны-реципиента. Наиболее уязвимыми в социально-экономическом плане являются многочисленные мигранты из Турции и их потомки, поэтому большая часть научного дискурса сосредоточена на анализе различий второго поколения мигрантов турецкого происхождения и коренного немецкого населения [42–44].

¹² Statistisches Bundesamt (Destatis). Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund — Ergebnisse des Mikrozensus 2021. — 2022. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publikationen/Downloads-Migration/migrationshintergrund-2010220217004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 15.08.2022).

¹³ Statistisches Bundesamt. Statistisches Jahrbuch Deutschland und Internationales. — 2017, — p.41 — URL: https://www.statistischebibliothek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEAusgabe_derivate_00001629/StatistischesJahrbuch2017.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

Опыт Франции

Данных, отражающих положение потомков мигрантов во Франции не имелось до 1990 г., поскольку объектом наблюдения статистики были иностранные граждане. С 1990 г. в переписях начали фиксировать место рождения респондентов, а с 1999 г. — время, когда была совершена миграция. Однако потомки иммигрантов не выделялись в отдельную категорию, а органы статистики неохотно предоставляли сведения о стране рождения родителей респондентов [45]. Сегодня официальная статистика оперирует категорией «потомки иммигрантов» (или «прямые потомки иммигрантов»), к которой отнесены лица, рожденные во Франции и имеющие хотя бы одного родителя-иммигранта, то есть родившегося за рубежом и проживающего во Франции. Глоссарий Национального института статистики и экономики дополнительно уточняет, что эта категория не включает детей иммигрантов, родившихся за рубежом и приехавших в страну вместе с родителями¹⁴. Согласно оценкам Национального института статистики и экономики (INSEE) в 2020 г. во Франции проживали 7,6 млн потомков международных мигрантов, или 11,4% от всего населения страны [46].

Происхождение потомков мигрантов определяется по стране рождения родителя-иммигранта, если второй родитель был француз, а в случае, если оба родителя — иммигранты из разных стран, потомку приписывается происхождение по стране рождения отца. В некоторых обследованиях (например, в обследовании рабочей силы), лица, имеющие одного родителя иммигранта, а второго — не иммигранта, изучаются отдельно. Несмотря на то, что официальное определение потомков иммигрантов не апеллирует к критерию гражданства, при проведении обследований он учитывается для формирования выборки. Это связано со стремлением выделить категорию потомков репатриантов из французских колоний. Для их идентификации в анкету иногда включается вопрос о том, имел ли родитель французское гражданство по рождению или в результате натурализации [47]. Следует отметить, что французское законодательство прямо запрещает сбор информации об этнической принадлежности,

которая рассматривает этнические различия как нечто, разделяющее граждан и вступающее в противоречие с базовой ценностью Французской Республики — равенством граждан [48].

В 1992 г. состоялось выборочное обследование географической мобильности и социальной интеграции, которое впервые дало представление о положении иммигрантов и их детей из трех стран (Марокко, Алжира и Португалии) в возрасте от 19 до 29 лет [49]. После этого вопросы о стране рождения респондента и его родителей стали включаться во многие обследования. Пионером такого обследования стало лонгитюдное обследование «Покोलения» (Génération) (раунды 1992, 1998, 2001, 2004, 2007, 2009, 2011). Выборку составляли выпускники школ определенного года (через несколько лет после выпуска), а целью исследования было изучение карьерных траекторий на их начальном этапе. Обследование «Поколение 1998» включило 55 тыс. респондентов, и эта выборка была достаточной для того, чтобы выделить дифференцированные подгруппы потомков иммигрантов [47]. Обследование «Истории семей» (Étude de l'histoire familiale или EHF), состоявшееся в 1999 г., в котором приняли участие 145 тыс. мужчин и 235 тыс. женщин, позволило получить детальные данные о семейной структуре иммигрантов. В анкету впервые были включены вопросы для оценки воспринимаемой дискриминации. В 2003 г. было проведено обследование «История жизни» (Histories de vie), охватившее 8,4 тыс. респондентов старше 18 лет по репрезентативной выборке, в том числе для иммигрантов. Обследование было направлено на изучение ценностей и восприятия социальной действительности.

Систематическое изучение социально-экономического положения мигрантов второго поколения во Франции началось в 2005 г., когда в анкету французского обследования рабочей силы впервые включили вопросы о стране происхождения родителей. Важной особенностью обследования является его скользящий характер: обследование проводится непрерывно с 2003 г. и охватывает разные территории. Поэтому для получения достаточного числа наблюдений о мигрантах приходится агрегировать данные за несколько лет [50]. В 2008 г. в обследование рабочей силы был введен дополнительный модуль для изучения карьерной

¹⁴ INSEE. Immigré (descendant d') / Définitions, méthodes et qualité: 24.11.2020. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1676>. (дата обращения: 15.08.2022).

траектории мигрантов и их потомков, изучения дискриминации, а также определения возможностей удовлетворения потребностей рынка труда и компенсации старения населения. В 2007 г. Франция стала одной из восьми стран, принявших участие в упоминавшемся выше обследовании TIES. Но, несмотря на это, исследователи отмечали, что потребность в надежных данных не удовлетворена полностью [51].

В 2008 г. было проведено специальное обследование «Траектории и происхождение» (Trajectoires et origines или TeO), направленное на изучение иммигрантов и их потомков. При формировании выборки была проведена масштабная подготовка, включавшая систематическое ознакомление с актами гражданского состояния, что позволило выделить 22 тыс. респондентов с миграционным прошлым. Исследование было организовано по трем основным темам: семья и социальная среда (социальное и семейное окружение на момент опроса, а также в период детства и юности, выбор супруга и методы работы брачного рынка), доступ к различным ресурсам социальной жизни (образованию, здравоохранению, участию в политической жизни, жилью, стабильной работе, доходу, социальным сетям), различные аспекты происхождения и культурной принадлежности (миграционная история родителей и ее восприятие, передача и практика языков и религий, особенности идентичности, транснациональное поведение, восприятие дискриминации) [52]. После долгого перерыва, в 2019–2020 гг. состоялся второй раунд обследования TeO, результаты которого пока не были введены в научный оборот.

Результаты исследований показали, что во Франции существует значительный разрыв в доступе к рынкам труда, жилья и образованию, а также пространственная сегрегация в городах для большей части иммигрантских групп [53]. При этом ряд групп демонстрирует прогресс в преодолении этого разрыва во втором поколении, а для других социальное неравенство, по всей видимости, существенно не снижается для второго поколения в сравнении с первым [54]. Один из важнейших феноменов, который в последние годы активно обсуждается в научной литературе — устойчивая религиозность второго поколения мигрантов. Секуляризация в Европе рассматривается как одна из важнейших составляющих модернизации, а потому снижение ре-

лигиозности среди иммигрантов и их потомков признается ключевым элементом ассимиляции. Однако во Франции высокий уровень религиозности сохраняется и среди второго поколения мигрантов [55]. Устойчивость уровня религиозности не означает, однако, что ее характер и содержание законсервированы [56].

Заключение

Как показал выполненный обзор, в условиях нарастания миграционных потоков тема второго поколения мигрантов прочно заняла большое место в исследовательской повестке принимающих стран. Зарубежные исследования опираются на развитую информационную базу, которая включает в себя переписи и микропереписи населения, национальные обследования населения по социально-экономическим проблемам с расширенным миграционным модулем и специальные выборочные обследования потомков мигрантов.

В России, несмотря на заметное увеличение численности мигрантов из Средней Азии и Закавказья, интеграционные исследования, опирающиеся на количественные данные в масштабе страны или ее субъектов, практически не проводятся. Главным препятствием является отсутствие данных, полученных из современных источников. В настоящее время основные представления о втором поколении мигрантов получены главным образом с помощью качественных методов. Но их явно недостаточно для того, чтобы оценить масштаб, динамику, факторы развития интеграционных процессов, их структуру и результаты.

Для научного обеспечения интеграционной политики в России необходимо расширить имеющиеся и открыть новые источники информации, позволяющие изучать миграционные процессы. С этой целью, учитывая опыт зарубежных стран, необходимо существенно дополнить действующую систему статистического наблюдения за миграцией. В частности, следует расширить миграционный модуль в Обследовании рабочей силы Росстата, о чем уже давно говорят российские эксперты [57]. Необходимый перечень вопросов для выделения как мигрантов, так и их потомков, отработан в обследовании рабочей силы Евростата. Соответствующий опрос можно проводить раз в три или пять лет.

Уточнить образовательные и трудовые стратегии мигрантов как первого, так и последующих поколений можно, включив вопросы о миграционном прошлом в программу выборочного федерального статистического наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование. Получить данные для анализа различных аспектов структурной и социальной интеграции можно без особых затрат, дополнив вопросники для выделения мигрантов разных поколений в выборочных обследованиях Росстата: комплексного наблюдения условий жизни населения, наблюдения доходов и участия в социальных программах, наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения.

Для более глубокого изучения культурной и идентификационной интеграции следует организовать специальное лонгитюдное исследование мигрантов и их домохозяйств. Организационно это исследование может проводиться на базе крупнейших университетов или академических институтов, имеющих опыт проведения массовых опросов.

Для оценки численности и состава второго поколения мигрантов, их базовых социально-демографических характеристик вопросы о миграционном происхождении следует включить в программы переписи и микропереписи населения. Полученные результаты, помимо их значимости для разработки политики в области интеграции мигрантов, станут надежной основой для определения параметров выборок массовых опросов.

Без должной модернизации информационного обеспечения останутся без ответов вопросы о том, в какой степени дети, а также внуки современных мигрантов станут полноправными членами общества и будут полноценно участвовать во всех значимых аспектах социальной жизни. Ответы на эти и другие связанные вопросы необходимы для обоснования стратегии развития российского общества в целом.

Литература

1. Careja R., Bevelander P. Using population registers for migration and integration research: examples from Denmark and Sweden// *Comparative Migration Studies* 6. 2018. 19. doi: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0076-4>.
2. Мукомель В.И. Особенности адаптации и интеграции представителей полукоренного поколения мигрантов// Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Российское общество социологов (Москва), 2012. с. 8148–8156. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта// *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 2. С. 318–364. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15>.
4. Деминцева Е.Б. Этнические vs социальные границы: дети мигрантов в школах// *Этнографическое обозрение*. 2019. № 2. С. 98–113. doi: <https://doi.org/10.31857/S086954150004878-5>.
5. Деминцева Е.Б., Зеленова Д.А., Опарин Д.А., Космидис Е.А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмоскovie// *Демографическое обозрение*. 2017. Т. 4. С. 80–109. doi: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>.
6. Иванюшина В.А., Александров Д.А. Межэтническое общение в российских школах: изучение методом сетевого диадного анализа // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2012. № 35. С. 29–56.
7. Иванюшина В.А., Александров Д.А., Казарцева Е.В. Т. XIX. № 2 (Этническая самоидентификация подростков-мигрантов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. 85). С. 113–127.
8. IOM, World Migration Report 2020. 2019. 498 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf.
9. Schneider J. First/Second Generation Immigrants// NESET II ad hoc question No. 4/2016. 2016. 15p. URL: https://nesetweb.eu/wp-content/uploads/2019/06/NESET2_AHQ4.pdf (дата обращения: 8 июня 2022).
10. Dollmann J., Jakob K., & Kalter F. Examining the Diversity of Youth in Europe. A Classification of Generations and Ethnic Origins Using CILS4EU Data (Technical report)// *MZES Working Paper Nr. 156*. 2014. 45 p. URL: <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-156.pdf> (дата обращения: 8 июня 2022).
11. Olczyk M., Will G., & Kristen C. Immigrants in the NEPS: Identifying generation status and group of origin // *NEPS Survey Paper No. 4*. 2-nd edition. Bamberg: Leibniz Institute for Educational Trajectories, National Educational Panel Study. 2016. 32 p. — doi: <https://doi.org/10.5157/NEPS:SP04:1.0>;
12. Ramakrishnan K.S. Second-Generation Immigrants? The «2.5 Generation» in the United States // *Social Science Quarterly*. 2004. 85 (2). p. 380–399. doi: <https://doi.org/10.1111/J.0038-4941.2004.08502013.X>.
13. Istituto Nazionale di Statistica (Istat). Identità e percorsi di integrazione delle seconde generazioni in Italy. 2020. 134 p. URL: <https://www.istat.it/it/files/2020/04/Identità-e-percorsi.pdf> (дата обращения: 6 мая 2022).

14. **Gordon M.** Assimilation in American life: the role of race, religion and national origins. New York: Oxford University Press, 1964. 292 p.
15. **Heckmann F.** Integration and integration policies// IMISCOE Network Feasibility Study. 2006. 277 p. URL: www.efms.uni-bamberg.de/pdf/INTPOL%20Final%20Paper.pdf.
16. **Portes A., Rumbaut R.G.** Legacies: The story of the immigrant second generation. Berkeley: University of California Press, 2001. 460 p.
17. **Portes A., Zhou M.** The new second generation. Segmented assimilation and its variants// The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. 530(1). p. 74–96. doi: <http://dx.doi.org/10.1177/000271629353000106>.
18. **Alba R., Nee V.** Rethinking assimilation theory for a new era of immigration // International Migration Review. 1997. 31 (4). p. 826–74. doi: <http://dx.doi.org/10.2307/2547416>.
19. **Hekman F.** et al. Effectiveness of National Integration Strategies Towards Second Generation Migrant Youth in a Comparative European Perspective. EFFNATIS 2001. 123 p. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/SOE2973055/reporting>.
20. **Penninx R., Garcés-Mascreñas B.** The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept. In: Garcés-Mascreñas, B., Penninx, R. (eds) Integration Processes and Policies in Europe. IMISCOE Research Series. Springer, Cham. 2016. p. 11–29. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_2.
21. **Foner N., Lucassen L.** Legacies of the Past. In: Crul M.; Mollenkopf J. (eds) The Changing Face of World Cities: The Second Generation in Western Europe and the United States. New York: Russell Sage Foundation. 2012. p. 26–43.
22. **Batalova J., Hanna M., Levesque C.** Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration in the United States. 2021. URL: Article 2021: Frequently Requested Statistics on I. | migrationpolicy.org.
23. **Tran VC.** Social mobility across immigrant generations: recent evidence and future data requirements // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2018. 677. p. 105–118. doi: <https://doi.org/10.1177/0002716218762725>.
24. **Duncan B., Trejo S.J.** Assessing the socio-economic mobility and integration of U.S. immigrants and their descendants // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. 657(1). p. 108–135. doi: <https://doi.org/10.1177/0002716214548396>.
25. **Feliciano C., Lanuza Y.R.** An immigrant paradox? Contextual attainment and intergenerational educational mobility// American Sociological Review. 2017. 82(1). p. 211–241. doi: <https://doi.org/10.1177/0003122416684777>.
26. **Lee J., Zhou M.** The Asian American Achievement Paradox. New York: Russell Sage. 2015. 296 p.
27. **Drouhot L., Nee V.** Assimilation and Second generation in Europe and America: blending and segregation social dynamics between immigrants and natives // Annual review of Sociology. 2019. 45. p. 177–199. doi: <https://doi.org/10.1146/ANNUREV-SOC-073117-041335>.
28. **Alba R., Nee V.** Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003. 388 p.
29. **Berry J., Hou F.** Acculturation, discrimination and wellbeing among second generation of immigrants in Canada// International Journal of Intercultural Relation. 2017. 61. p. 29–39. doi: <https://doi.org/10.1016/J.IJINTREL.2017.08.003>.
30. Eurostat, European Commission. Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. 2011. 155 p. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5727749/KS-31-10-539-EN.PDF/bcf27a60-7016-4fec-98c5-e8488491ebbd?t=1414775922000> (дата обращения: 20 июня 2022).
31. Crul M., Schneider J., Lelie F. (Eds.) The European Second Generation Compared. Does the Integration Context Matter? Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. 416 p.
32. **Crul M., Mollenkopf J.H.** The Changing Face of World Cities: The Second Generation in Western Europe and the United States. New York: Russell Sage Foundation, 2012. 324 p.
33. OECD Catching Up? Intergenerational Mobility and Children of Immigrants. 2017. 152 p., URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/catching-up-intergenerational-mobility-and-children-of-immigrants_9789264288041-en (дата обращения: 16 июня 2022).
34. OECD Catching Up? Country Studies on Intergenerational Mobility and Children of Immigrants. 2018. 204 p., URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/catching-up-country-studies-on-intergenerational-mobility-and-children-of-immigrants_9789264301030-en (дата обращения: 16 июня 2022).
35. OECD Young people with migrant parents. 2021. 84 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/young-people-with-migrant-parents_6e773bfe-en (дата обращения 16 июня 2022).
36. **Fertig M., Schmidt C.M.** First- and Second-Generation Migrants in Germany – What Do We Know and What Do People Think? // SSRN Scholarly Paper No. 267223. Social Science Research Network. 2001. 56 p. doi: <https://doi.org/10.2139/ssrn.267223>.
37. **Will A.-K.** The German statistical category «migration background»: Historical roots, revisions and shortcomings// Ethnicities. 2019. 19(3). p. 535–557. doi: <https://doi.org/10.1177/1468796819833437>.
38. **Diehl C., Blohm M.** Rights or Identity? Naturalization Processes among «Labor Migrants» in Germany// International Migration Review. 2003. 37(1). p. 133–162.
39. **Böckler S., Schmitz-Veltin A.** (Eds.) Migrationshintergrund in der Statistik – Definition, Erfassung und Vergleichbarkeit (Vol. 2)// Verband Deutscher Städtestatistiker (VDSt). 2013. 46 p. URL: https://www.staedtestatistik.de/fileadmin/media/VDSt/Bevoelkerung/PDF/VDSt_-_AG_

Bevoelkerung_Migrationshintergrund_in_der_Statistik.pdf (дата обращения 24 июня 2022).

40. **Salentin K.** Sampling the Ethnic Minority Population in Germany. The Background to «Migration Background»// Methods, Data, Analyses. 2014. 8(1). p. 28. doi: <https://doi.org/10.12758/mda.2014.00>.

41. **Loch D.** Immigration, segregation and social cohesion: Is the «German model» fraying at the edges?// Identities. 2014. 21(6). p. 675–692. doi: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.868350>.

42. **Song S.** Second-generation Turkish youth in Europe: Explaining the academic disadvantage in Austria, Germany, and Switzerland// Economics of Education Review. 2011. 30(5). p. 938–949. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2011.03.010>.

43. **Çelik Ç.** «Having a German passport will not make me German»: Reactive ethnicity and oppositional identity among disadvantaged male Turkish second-generation youth in Germany// Ethnic and Racial Studies. 2015. 38(9). p. 1646–1662. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.1018298>.

44. **Wachter G.G., de Valk H.A.G.** Dating relationships of the Turkish second generation in Europe: Patterns, partner origin and the role of parents// International Journal of Intercultural Relations. 2020. 79. p. 94–105. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.08.009>.

45. **Algan Y., Dustmann C., Glitz A., Manning A.** The Economic Situation of First and Second-Generation Immigrants in France, Germany and the United Kingdom // The Economic Journal. 2010. 120(542). p. F4–F30. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2009.023384>.

46. France, Portrait Social. Edition 2021. Insee References; 2021. 243 p. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/5411776?sommaire=5435421> (дата обращения: 15.08.2022).

47. **Silberman R., Alba R., Fournier I.** Segmented assimilation in France? Discrimination in the labour market against the second generation// Eth-

nic and Racial Studies. 2007. 30(1). doi: <https://doi.org/10.1080/01419870601006488>.

48. **Barou J.** Integration of immigrants in France: A historical perspective// Identities. 2014. 21(6). p. 642–657. doi: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2014.882840>.

49. **Tribalat M., Simon P., Riandey B.** De l'immigration à l'assimilation: Enquête sur les populations d'origine étrangère en France. INED, 1996. 302 p.

50. **Boutchenik B., Le J.** Les descendants d'immigrés maghrébins: Des difficultés d'accès à l'emploi et aux salaires les plus élevés. Insee Références, 2017. 15 p. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2891682?sommaire=2891780>.

51. **Amiraux V., Simon P.** There are no Minorities Here// International Journal of Comparative Sociology. 2006. 47. p. 191–215. doi: <https://doi.org/10.1177/0020715206066164>.

52. Beauchemin C., Hamel C., Simon P. (Eds.) Trajectories and Origins: Survey on the Diversity of the French Population (Vol. 8). Springer International Publishing, 2018. 376 p. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76638-6>.

53. **Bunel M., L'Horty Y., Du Parquet L., Petit P.** Les discriminations dans L' acces au logement a Paris: une experience controlee// TEPP Rapport de Recherche N 2017-01. 2017. 22 p. URL: <https://www.tepp-repec.eu/RePEc/files/tepprr/TEPP-rr-17-01-mb-yl-ldp-pp.pdf>.

54. **Algan Y.** (Ed.) Cultural integration of immigrants in Europe. Oxford University Press, 2012. 359 p.

55. **Drouhot L.G.** Cracks in the Melting Pot? Religiosity and Assimilation among the Diverse Muslim Population in France// American Journal of Sociology. 2021. 126(4). p. 795–851. doi: <https://doi.org/10.1086/71280>.

56. **Beaman J.** France's Ahmeds and Muslim others: The entanglement of racism and Islamophobia// French Cultural Studies. 2021. 32(3). p. 269–279. doi: <https://doi.org/10.1177/09571558211009370>.

57. **Чудиновских О.С.** Сбор данных о трудовой миграции в ходе выборочных обследований населения// Вопросы статистики. 2015. № 9. С. 12–22.

Информация об авторах

Денисенко Михаил Борисович — канд. экон. наук, доцент, ординарный профессор НИУ ВШЭ, директор Института демографии имени А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ. 101000, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: den-mikhail@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7983-5323>.

Смирнова Мария Алексеевна — аспирант Института демографии имени А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ. 101000, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: mariaus@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9056-5720>.

Степанова Анастасия Викторовна — инженер лаборатории экономики народонаселения и демографии Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: stepanova.anastasia@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-8793>.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

References

1. Careja R., Bevelander P. Using Population Registers for Migration and Integration Research: Examples from Denmark and Sweden. *Comparative Migration Studies* 2018;(6). Available from: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0076-4>.
2. Mukomel' V.I. Features of Adaptation and Integration of Representatives of the One and a Half Generation of Migrants. In: *Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress «Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development»*. Russian Society of Sociologists (Moscow). 2012. p. 8148—8156. Available from: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (accessed 05.04.2019). (In Russ.)
3. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Second Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(2):318—364. Available from: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15>. (In Russ.)
4. Demintseva E.B. Ethnic vs Social Boundaries: Children of Migrants in Schools. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2019;(2):98—113. Available from: <https://doi.org/10.31857/S086954150004878-5>. (In Russ.)
5. Demintseva E.B. et al. Adaptation of Migrant Children in the Schools of Moscow and the Moscow Region. *Demographic Review*. 2017;(4):80—109. Available from: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. (In Russ.)
6. Ivanyushina V.A., Aleksandrov D.A. Interethnic Communication in Russian Schools: Study by the Method of Network Dyadic Analysis. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 2012;(35):29—56. (In Russ.)
7. Ivanyushina V.A., Aleksandrov D.A., Kazarceva E.V. Ethnic Self-Identification of Migrant Adolescents. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016;XIX(2):113—127. (In Russ.)
8. IOM. *World Migration Report 2020*. 2019. 498 p. Available from: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf.
9. Schneider J. First/Second Generation Immigrants. *NESET II ad hoc question No. 4/2016*. 2016. 15p. Available from: https://nesetweb.eu/wp-content/uploads/2019/06/NESET2_AHQ4.pdf.
10. Dollmann J., Jakob K., & Kalter F. Examining the Diversity of Youth in Europe A Classification of Generations and Ethnic Origins Using CILS4EU Data (Technical report). *MZES Working Paper Nr. 156*. 2014. 45 p. Available from: <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-156.pdf> (accessed June 8, 2022).
11. Olczyk M., Will G., Kristen C. Immigrants in the NEPS: Identifying Generation Status and Group of Origin. *NEPS Survey Paper No. 4*. 2-nd Edition. Bamberg: Leibniz Institute for Educational Trajectories, National Educational Panel Study; 2016. 32 p. Available from: <https://doi.org/10.5157/NEPS:SP04:1.0>.
12. Ramakrishnan K.S. Second-Generation Immigrants? The «2.5 Generation» in the United States. *Social Science Quarterly*. 2004;85(2):380—399. Available from: <https://doi.org/10.1111/J.0038-4941.2004.08502013.X>.
13. Istituto Nazionale di Statistica. *Identità e Percorsi di Integrazione delle Seconde Generazioni in Italy*. 2020. 134 p. Available from: <https://www.istat.it/it/files/2020/04/Identità-e-percorsi.pdf> (accessed May 6, 2022).
14. Gordon M. *Assimilation in American life: the role of race, religion and national origins*. New York: Oxford University Press; 1964. 292 p.
15. Heckmann F. *Integration and Integration Policies. IMISCOE Network Feasibility Study*. 2006. 277 p. Available from: www.efms.uni-bamberg.de/pdf/INTPOL%20Final%20Paper.pdf.
16. Portes A., Rumbaut R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press; 2001. 460 p.
17. Portes A., Zhou M. The New Second Generation. Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993;530(1):74–96. Available from: <http://dx.doi.org/10.1177/000271629353000106>.
18. Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *International Migration Review*. 1997;31(4):826—74. Available from: <http://dx.doi.org/10.2307/2547416>.
19. Hekman F. et al. *Effectiveness of National Integration Strategies Towards Second Generation Migrant Youth in a Comparative European Perspective*. EFFNATIS; 2001. 123 p. Available from: <https://cordis.europa.eu/project/id/SOE2973055/reporting>.
20. Penninx R., Garcés-Mascreñas B. The Concept of Integration as an Analytical Tool and as a Policy Concept. In: Garcés-Mascreñas B., Penninx, R. (eds) *Integration Processes and Policies in Europe. IMISCOE Research Series*. Cham: Springer; 2016. p. 11–29. Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-319-21674-4_2.
21. Foner N.; Lucassen L. Legacies of the Past. In: Crul M.; Mollenkopf J. (eds) *The Changing Face of World Cities: The Second Generation in Western Europe and the United States*. New York: Russell Sage Foundation; 2012. p. 26–43.
22. Batalova J., Hanna M., Levesque C. *Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration in the United States*. 2021. Available from: <https://www.migrationpolicy.org/article/frequently-requested-statistics-immigrants-and-immigration-united-states-2020#children-immigrants>.
23. Tran VC. Social Mobility Across Immigrant Generations: Recent Evidence and Future Data Requirements. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2018;677(1):105—118. Available from: <https://doi.org/10.1177/0002716218762725>.
24. Duncan B., Trejo S.J. Assessing the Socio-Economic Mobility and Integration of U.S. Immigrants and Their Descendants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015;657(1):108—135. Available from: <https://doi.org/10.1177/0002716214548396>.
25. Feliciano C., Lanuza Y.R. An Immigrant Paradox? Contextual Attainment and Intergenerational

- Educational Mobility. *American Sociological Review*. 2017;82(1):211–241. Available from: <https://doi.org/10.1177/0003122416684777>.
26. **Lee J., Zhou M.** *The Asian American Achievement Paradox*. New York: Russell Sage; 2015. 296 p.
27. **Drouhot L., Nee V.** Assimilation and Second Generation in Europe and America: Blending and Segregation Social Dynamics Between Immigrants and Natives. *Annual review of Sociology*. 2019;(45):177–199. Available from: <https://doi.org/10.1146/ANNUREV-SOC-073117-041335>.
28. **Alba R., Nee V.** *Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration*. Cambridge: Harvard Univ. Press; 2003. 388 p.
29. **Berry J., Hou F.** Acculturation, Discrimination and Wellbeing Among Second Generation of Immigrants in Canada. *International Journal of Intercultural Relation*. 2017;(61):29–39. Available from: <https://doi.org/10.1016/J.IJINTREL.2017.08.003>.
30. Eurostat, European Commission. *Migrants in Europe. A Statistical Portrait of the First and Second Generation*. 2011. 155 p. Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5727749/KS-31-10-539-EN.PDF.pdf/bc-f27a60-7016-4fec-98c5-e8488491ebbd?t=1414775922000> (accessed June 20, 2022).
31. Crul M., Schneider J., Lelie F. (eds.) *The European Second Generation Compared. Does the Integration Context Matter?* Amsterdam: Amsterdam University Press; 2012. 416 p.
32. **Crul M., Mollenkopf J.** *The Changing Face of World Cities: The Second Generation in Western Europe and the United States*. New York: Russell Sage Foundation; 2012. 324 p.
33. OECD. *Catching Up? Intergenerational Mobility and Children of Immigrants*. 2017. 152 p. Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/catching-up-intergenerational-mobility-and-children-of-immigrants_9789264288041-en (accessed June 16, 2022).
34. OECD. *Catching Up? Country Studies on Intergenerational Mobility and Children of Immigrants*. 2018. 204 p. Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/catching-up-country-studies-on-intergenerational-mobility-and-children-of-immigrants_9789264301030-en (accessed June 16, 2022).
35. OECD. *Young People with Migrant Parents*. 2021. 84 p. Available from: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/young-people-with-migrant-parents_6e773bfe-en (accessed June 16, 2022).
36. **Fertig M., Schmidt C.M.** First- and Second-Generation Migrants in Germany — What Do We Know and What Do People Think? *SSRN Scholarly Paper No. 267223*. Social Science Research Network. 2001. 56 p. Available from: <https://doi.org/10.2139/ssrn.267223>.
37. **Will A.-K.** The German Statistical Category «Migration Background»: Historical Roots, Revisions and Shortcomings. *Ethnicities*. 2019;19(3):535–557. Available from: <https://doi.org/10.1177/1468796819833437>.
38. **Diehl C., Blohm M.** Rights or Identity? Naturalization Processes Among «Labor Migrants» in Germany. *International Migration Review*. 2003;37(1):133–162.
39. Böckler S., Schmitz-Veltin A. (eds.) *Migrationshintergrund in der Statistik — Definition, Erfassung und Vergleichbarkeit (Vol. 2)*. Verband Deutscher Städtestatistiker (VDSt). 2013. 46 p. Available from: https://www.staedtestatistik.de/fileadmin/media/VDSt/Bevoelkerung/PDF/VDSt_-_AG_Bevoelkerung_Migrationshintergrund_in_der_Statistik.pdf (accessed June 24, 2022).
40. **Salentin K.** Sampling the Ethnic Minority Population in Germany. The Background to «Migration Background». *Methods, Data, Analyses*. 2014;8(1):25–52. Available from: <https://doi.org/10.12758/mda.2014.00>.
41. **Loch D.** Immigration, Segregation and Social Cohesion: Is the «German Model» Fraying at the Edges? *Identities*. 2014;21(6):675–692. Available from: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.868350>.
42. **Song S.** Second-Generation Turkish Youth in Europe: Explaining the Academic Disadvantage in Austria, Germany, and Switzerland. *Economics of Education Review*. 2011;30(5):938–949. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2011.03.010>.
43. **Çelik Ç.** «Having a German Passport Will Not Make Me German»: Reactive Ethnicity and Oppositional Identity Among Disadvantaged Male Turkish Second-Generation Youth in Germany. *Ethnic and Racial Studies*. 2015;38(9):1646–1662. Available from: <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.1018298>.
44. **Wachter G.G., de Valk H.A.G.** Dating Relationships of the Turkish Second Generation in Europe: Patterns, Partner Origin and the Role of Parents. *International Journal of Intercultural Relations*. 2020;79:94–105. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.08.009>.
45. **Algan Y.** et al. The Economic Situation of First and Second-Generation Immigrants in France, Germany and the United Kingdom. *The Economic Journal*. 2010;120(542): F4–F30. Available from: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2009.023384>.
46. *France, Portrait Social. Édition 2021*. Insee Références; 2021. 243 p. Available from: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/5411776?sommaire=5435421> (accessed August 15, 2022).
47. **Silberman R., Alba R., Fournier I.** Segmented Assimilation in France? Discrimination in the Labour Market Against the Second Generation. *Ethnic and Racial Studies*. 2007;30(1):1–27. Available from: <https://doi.org/10.1080/01419870601006488>.
48. **Barou J.** Integration of Immigrants in France: A Historical Perspective. *Identities*. 2014;21(6):642–657. Available from: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2014.882840>.
49. **Tribalat M., Simon P., Riandey B.** *De l'immigration à l'assimilation: Enquête sur les populations d'origine étrangère en France*. INED; 1996. 302 p.
50. **Boutchenik B., Lê J.** *Les descendants d'immigrés maghrébins: Des difficultés d'accès à l'emploi et aux salaires les plus élevés*. Insee Références; 2017. 15 p. Available from: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2891682?sommaire=2891780>.

51. **Amiraux V., Simon P.** There are no Minorities Here. *International Journal of Comparative Sociology*. 2006;47(3-4): 191–215. Available from: <https://doi.org/10.1177/0020715206066164>.
52. Beauchemin C., Hamel C., Simon P. (eds.) *Trajectories and Origins: Survey on the Diversity of the French Population* (Vol. 8). Springer International Publishing; 2018. 376 p. Available from: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-76638-6>.
53. **Bunel M.** et al. *Les discriminations dans l'accès au logement à Paris*. Une expérience contrôlée. 2017. 42 p. Available from: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01521995>.
54. Algan Y. et al. (eds.) *Cultural Integration of Immigrants in Europe*. Oxford University Press; 2012. 359 p.
55. **Drouhot L.G.** Cracks in the Melting Pot? Religiosity and Assimilation Among the Diverse Muslim Population in France. *American Journal of Sociology*. 2021;126(4):795–851. Available from: <https://doi.org/10.1086/71280>.
56. **Beaman J.** France's Ahmeds and Muslim Others: The Entanglement of Racism and Islamophobia. *French Cultural Studies*. 2021;32(3):269–279. Available from: <https://doi.org/10.1177/09571558211009370>.
57. **Chudinovskikh O.S.** Data Collection on Labor Migration During Population Cluster Sampling. *Voprosy Statistiki*. 2015;(9):12–22. (In Russ.)

About the authors

Mikhail B. Denisenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Tenured Professor, Director, Vishnevsky Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 101000, Russia. E-mail: den-mikhail@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7983-5323>.

Mariya A. Smirnova – Graduate Student, Vishnevsky Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 101000, Russia. E-mail: mariaus@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9056-5720>.

Anastasia V. Stepanova – Engineer, Research Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. E-mail: stepanova.anastasia@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3775-8793>.

Funding

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2022.